

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна
Ольховская

Прекрасная
дикарка

Папарацци идет по следу

Анна Ольховская

Прекрасная дикарка

«Соболева Анна Николаевна»

2011

Ольховская А.

Прекрасная дикарка / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2011 — (Папарацци идет по следу)

ISBN 978-5-699-47324-3

Мегазвезда шоу-бизнеса Алексей Майоров совсем слетел с катушек! Поискал пропавшую жену и дочку, не нашел... да и женился на кареглазой кинодиве Изабелле Флоренской. Собственно, семейный пожар и разгорелся из-за этой прекрасной Дикарки. Но коль уж законная жена, собрав вещички и исчезнув в неизвестном направлении, не появляется полгода, то почему бы не утешиться в знойных объятиях Изабеллы?! Вот отгремел марш Мендельсона, а счастья нет: не может Алексей забыть свою Аннушку. А тут новая беда: Майорова обвиняют в зверских убийствах. Улики против него самые серьезные, и заключение ему грозит пожизненное. Пресса и телевидение захлебываются ядом и провоцируют народный гнев против бывшего кумира. Но ведь все эти обвинения – гнусная ложь!!!

ISBN 978-5-699-47324-3

© Ольховская А., 2011

© Соболева Анна Николаевна, 2011

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	22
ГЛАВА 6	26
ГЛАВА 7	29
ГЛАВА 8	32
ГЛАВА 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ольховская

Прекрасная дикарка

ПРОЛОГ

Дверь за спиной гулко... гм, стукнула, хотя звук больше всего напоминал хамскую выходку великана, объевшегося накануне гороха.

– По голове себя постучи, болван, – вполголоса проворчал Михаил, досадливо поморщившись. – Понаберут портяночников убогих, никакого понятия о приличиях.

Реакции на хамский комментарий со стороны конвоира не последовало, то ли не услышал, то ли сделал вид, что не услышал.

Потому что в случае с конкретно этим осужденным лучше не замечать его наглого поведения. Нет, Михаил Карманов вовсе не был вором в законе и не «держал» зону, но те, кто держал, относились к этому щуплому лысоватому типу с уважением. В авторитете он был, и в немалом, причем не только со стороны эков, но и с противоположной – «хозяин» уважительно звал Карманова Михал Иванычем и частенько приглашал на чашку чая. А еще создал Михал Иванычу максимально комфортные условия для работы, выделил в лагерной больничке отдельное помещение под лабораторию, оформив заключенного санитаром. И за два года, прошедшие после перевода Михаила Карманова в эту затерянную в лесах Мордовии колонию, начальник зоны прикупил себе неплохой домишко в ближайшем Подмоскovie, готовясь к заслуженной пенсии.

Здесь, по месту работы, Василий Тимофеевич Ключкин проживал вместе с супругой и сыном в скромной двухкомнатной квартирке, ничем не выделяясь среди остальных жителей поселка. Сын его заканчивал школу и собирался ехать поступать в Москву. И Василий Тимофеевич ни секунды не сомневался, что его Генаша поступит, хотя парень вовсе не был отличником. Главное, чтобы кое-как школу окончил, а там – лишь размер цены вопроса.

И все это благолепие слепилось после перевода в захудалую, забытую проверяющими колонию осужденного Михаила Карманова, гениального фармацевта, способного изготовить тяжелые наркотики буквально на колене. А уж в условиях мало-мальски приспособленного помещения, да еще и при бесперебойном поступлении нужных ингредиентов!

Одного Василий Тимофеевич не мог понять – почему Химик до сих пор топчет зону? С его-то связями в криминальном и не только мире, с его-то способностями Карманов давно уже должен был выйти если не по амнистии, то уж условно-досрочно – без проблем! А он тянул весь срок, указанный в приговоре, – двенадцать лет строгого режима, от звонка до звонка.

Но все когда-нибудь кончается, заканчивался и срок Карманова, до выхода на волю оставалось всего полгода. И почти столько же – до увольнения подполковника Ключкина из внутренних войск, благо возраст позволял. А что ему делать тут без Химика? Лабораторию придется прикрыть, деньжата перестанут течь бесперебойным потоком, можно и перебираться поближе к Белокаменной.

А пока – разрешить заключенному Карманову очередное свидание с супругой. Славная такая бабенка, в самом соку. По документам – сорок, а внешне – и тридцати не дашь. Холеная, гладкая, красивая блондиночка, так бы и завалил в койку. Да куда там! Жанна Федорвна на него даже не смотрит, лишь кивнет холодно так, равнодушно, словно не человек перед ней, а столб какой. Видать, мужа любит очень, не зря же к нему каждые полгода мотается на свиданку! А ведь внешне Химик – мозглявый задохлик, морщинистый, плешивый, выглядит гораздо старше своих сорока пяти. Но кто их, баб, поймет!

Михаил оглянулся на скрип двери и медленно поднялся из-за стола:

– Здравствуй, Жанна! Прекрасно выглядишь!

– Спасибо, я старалась, – вошедшая в комнату свиданий женщина действительно могла впечатлить не только начальника зоны, но и любого представителя мужского рода старше двадцати.

Невысокая, стройная, но не тощая – все при ней, невероятно сексапильная, с густой гривой волос медового оттенка, с безупречно-красивым ухоженным лицом – Жанна Карманова приложила немало усилий, чтобы ликвидировать следы девятилетнего пребывания в колонии строгого режима. И ей это удалось.

Никто бы теперь не узнал в этой гладкой светской львице тетку с обветренным лицом, дурно покрашенными, похожими на мочалку волосами, корявыми задубевшими руками, на которых не было ни одного целого ногтя, и злобными глазами загнанной в угол крысы.

Именно такой вышла два с половиной года назад из колонии Жанна Карманова.

Но кое-что из того ненавистного облика все же осталось.

Полыхающие непримиримой злобой и жаждой мести глаза.

Потому что не были наказаны те, по чьей вине Михаил и Жанна Кармановы оказались за решеткой, причем так надолго! Из-за кого пришлось отмотать весь срок полностью, не надеясь на амнистию и УДО! Кто наслаждался жизнью все эти проклятые годы, в то время как Кармановы гнили в колонии!

И не имеет значения, что виновники всего лишь пытались выжить в расставленной злопамятной Жанночкой смертельной западне!¹ Эти твари не только сумели избежать уготованной им жуткой участи, они еще и дважды развалили великолепно налаженный бизнес: сначала – криминально-фармацевтический, а потом – по торговле детьми.

Но и после суда Кармановых не оставили в покое, приятель виновников, генерал ФСБ Сергей Львович Левандовский, лично следил за тем, чтобы осужденные не вышли раньше срока на свободу. Ну и что с того, что Жанна сумела насолить генералу лично, едва не погубив сына с невесткой, а потом внучку?! Все равно Левандовский не сам решил «курировать» осужденных, его науськали.

Анна Лоцинина и Алексей Майоров. Сладкая парочка. Правда, теперь, стараниями вышедшей на свободу раньше мужа Жанны, давно уже не парочка.

Но этого мало. Они должны на собственной шкуре испытать, что это такое – зона. Вернее, он, Анька куда-то очень вовремя сгинула вместе с дочкой. И уже три года о ней никто ничего не знал, как говорится, ни слуху ни духу.

А он, ее муж, Алексей Майоров, остался. И живет, прямо скажем, неплохо, сладко живет.

– Ну, как там дела у господина Майорова? – ухмыльнулся Михаил, обгрызая куриную ножку. – Денежки для нас зарабатывает?

– А куда он денется! – хищно прищурилась Жанна. – Тонька великолепно справляется, он у нее с руки ест.

– Ага, только до сих пор не женился, и юридически твоя сестра никаких прав на состояние этого поганца не имеет.

– Мы ведь уже это обсуждали, Мишенька, – женщина налила в стакан водки. – Давай лучше выпьем за удачу! У нас с Тонькой все готово, как только ты выйдешь на волю – начнем.

– Вернее, покончим! – оскалился Карманов. – На этот раз Майорову не вывернуться!

– И теперь уже мы будем лично курировать на зоне Лешеньку, – глумливо захихикала Жанна. – Статья, по которой он сядет, обещает ему массу незабываемых впечатлений!

¹ См. романы Анны Ольховской «Право бурной ночи» и «Охота светской львицы».

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

– Алексей Викторович, вы просили напомнить, – голос его секретарши до сих пор вызывал у Алексея желание спрятать дневник, – у вас на одиннадцать назначено прослушивание, а в два – обед с Изотовым с телевидения.

– Да, спасибо, Мария Павловна, – как бы не начать декламировать отрывок из «Евгения Онегина», строчки о нудном дяде самых честных правил послушно выскочили из памяти и засуетились в голове.

Алексей откинулся на спинку дорогущего, суперэргономичного кресла из натуральной кожи и устало прикрыл веки. Но расслабиться не получалось, суперэргономичное кресло, лично выбранное Изабеллой по каталогу, видимо, предназначалось исключительно для тыльной части европейского потребителя. В смысле – западноевропейского, задницам, произведенным в Советском Союзе, ловить в этом кресле было нечего. Чудо современного дизайна, судя по ощущениям, терпеть не могло мускулистое, подтянутое тело Алексея Викторовича Майорова, успешного продюсера, в недавнем прошлом – звезды отечественного шоу-бизнеса.

Оно, кресло, моментально отращивало твердые кулачки и немилосердно толкало в спину при малейшей попытке расслабиться.

А ему необходимо было хоть немного отдохнуть, настроиться на работу, ведь прослушивание безголосых в своей массе девиц, мечтающих о карьере на сцене, – дело утомительное и нудное. Очень редко встречается столь необходимое для успеха сочетание хорошего голоса, подходящей внешности и, самое главное, куража, бешеной энергетики, выделяющей именно этого исполнителя среди безликой массы современного шоу-бизнеса.

Алексей знал, чего хотел, потому что сам продержался на музыкальном олимпе больше двадцати лет именно благодаря сочетанию всех этих качеств. Он не мог без сцены, без того обмена энергией, который происходил на каждом концерте. Майоров выкладывался на каждом концерте полностью, и зрители чувствовали это, образуя бушующее море восторга и восхищения.

А еще... Алексея Майорова любили за его порядочность, за то, что он смог преодолеть все выпавшие на его долю испытания достойно, сохранив свое доброе имя, как бы пафосно это ни звучало.

Потому что рядом с ним была Анна...

Потому что рядом с ним была Ника...

Его жена и его дочь.

Оставшиеся теперь только на фотографиях и в памяти.

Алексей протянул руку и нежно прикоснулся кончиками пальцев к смеющимся лицам на стоявшем в рамочке на столе снимке:

– Родные мои девчонки, что же вы наделали? Зачем? Неужели вы не понимали, что я не смогу без вас жить?

«Смог же, – усмехнулась жена. – И очень даже неплохо».

– Это не жизнь, а существование. Я теперь – словно биоробот, я разучился смеяться, плакать, сопереживать. У меня больше нет эмоций, нет куража, я выгорел. Я устал!!! Три года без вас, целых три года! Зайцерыб, где вы? Ну хоть намек, что вы живы, хоть какой-то след!

«Зачем? У тебя и так все хорошо, новая карьера складывается ничуть не хуже старой, а новая жена – гораздо лучше старой. Во всяком случае, моложе и красивее».

– Изабелла мне не жена, – тихо проговорил Алексей. – Это другое. Пойми, хомка, я сам не знаю, что это! Здесь, сейчас, в эту минуту, я трезво оцениваю происходящее, вижу, что собой представляет эта женщина, и готов расстаться с ней, и делал это уже не раз, но стоит Изабелле появиться рядом, прикоснуться ко мне – и я... Словно не я, понимаешь?

«Нет».

В дверь негромко постучали.

– Да, войдите.

– Я вам кофе сварила, – секретарша вкатила в кабинет сервировочную тележку, на которой жеманился изящный фарфоровый сервиз. – Алексей терпеть не мог современных кружек. – Тут еще теплые булочки с марципаном, бутерброды, сыр – вы ведь небось опять без завтрака из дома ушли?

– Что бы я без вас делал, Марь Пална! – грустно улыбнулся Алексей. – Все-то вы видите, все понимаете. Поэтому мы вас в школе и любили больше остальных учителей.

– Ну уж и любили! – махнула рукой ухоженная, подтянутая дама неопределенного возраста – от сорока до шестидесяти. – А кто классный журнал воровал? Кто в нем оценки подставлял? Кто с урока сбегал? Кто мне пытался доказать, что Базаров – конченный псих, а Наташа Ростова – обычная курица?

– Во-первых, я до сих пор так считаю, – Алексей с удовольствием следил за руками когда-то учительницы русского языка и литературы, а ныне – его секретаря-референта и верной помощницы Марии Павловны Кадочниковой, – а во-вторых, наше поведение не имело никакого отношения к нашей любви к вам. Вы ведь всегда нас выгораживали перед директором школы, защищали, поддерживали. И теперь делаете то же самое для меня. За что вам огромное спасибо.

– Ну что вы, Лешенька, – смутилась женщина. – Это вам спасибо! Если бы вы не оплатили моей внучке операцию в Израиле, моей Риточки уже не было бы в живых. А так – в школу пошла, в первый класс, все у нас хорошо. Да и мне работу предложили, не побоялись взять к себе старуху-пенсионерку! Разве можно сравнить мою учительскую пенсию с нынешним заработком!

– Да ладно вам, Марь Пална! – отмахнулся Алексей. – Давайте не будем уподобляться героям старой басни о петухе и кукушке и нахваливать друг друга, ладно? У нас с вами все идет замечательно, и пусть так будет дальше. Присоединяйтесь ко мне, давайте позавтракаем вместе.

– Спасибо, Лешенька, но я дома все успела. Мне пора возвращаться на мой пост, а вы кушайте спокойно, я ни с кем вас соединять не буду.

– И в первую очередь – с Изабеллой!

– Я помню, – Мария Павловна тяжело вздохнула, сочувственно посмотрела на своего бывшего ученика и вышла из кабинета.

Она не могла понять, что за отношения у Алексея с этой наглой, хитрой, очень умной и очень подлой девицей. Подумаешь, звезда экрана Изабелла Флоренская! А кто ее сделал такой, превратив из подающей надежды старлетки в звезду первого эшелона? Правильно, Алексей Майоров, вернее, фильм, в котором они сыграли вместе. А еще вернее – скандал, разгоревшийся во время съемок фильма.

Мария Павловна Кадочникова всегда гордилась своим учеником Лешей Майоровым. Она не навязывалась, не пыталась встретиться, не кричала на каждом углу, что она была когда-то классным руководителем будущей мегазвезды шоу-бизнеса. Мария Павловна жила своей жизнью, учила детей, вырастила сына, радовалась появлению на свет внучки Риточки, а заодно – за своего ученика. Умница, хороший парень, порядочный человек, прекрасный семьянин, как бы это ни звучало дико для представителя шоу-тусовки.

Алексей Майоров с самого начала своей карьеры был одним из самых закрытых персонажей шоу-бизнеса, сведений о его личной жизни ушлым папарацци добыть не удавалось. Во всяком случае, скандальных, грязных сведений. И поклонники сами придумывали романы Алексея с различными гламурными светскими львицами. А кто еще мог привлечь внимание САМОГО Майорова!

И когда в жизни Алексея появилась скромная провинциальная журналистка Анна Лощина, никто не поверил в прочность этой связи. Да она всего лишь автор текстов для его песен, вот и все, что может быть общего у этой простушки со звездным небожителем!

А Мария Павловна сразу поняла, что Алексей и эта так называемая простушка любят друг друга по-настоящему, достаточно было посмотреть на их лица. Она всем сердцем желала своему ученику счастья, искренне переживала за него, когда с Алексеем случилось несчастье, плакала, когда Майоров «погиб» в прямом эфире. А потом оказалось, что он выжил, его нашла Анна².

И к этому времени все поклонники Алексея Майорова уже приняли и полюбили его жену, Анну Лощину. А еще больше – их дочь, очаровательную малышку Нику, так похожую на папу.

Душа радовалась, глядя на них!

А потом появилась эта подлая Изабелла...

Подробностей Мария Павловна не знала, информацию о происшедшем она получала из газет и теленовостей, а с самим Алексеем, уже работая на него, она об этом не заговаривала. Потому что видела, как мучается ее ученик. Видела и не понимала – как? Почему Алексей все еще живет с женщиной, ставшей причиной всех его несчастий, и не просто живет, а активно продюсирует Изабеллу Флоренскую!

И ладно бы он любил эту девицу, так ведь нет! Мария Павловна видела, как перекашивает Майорова, стоит ему услышать голос Изабеллы по телефону. И что он сбегает из дома, не позавтракав, лишь бы не встречаться с утра пораньше с сожительницей. И просит не соединять с ней в течение дня.

И снова возвращается к ней вечером!

После того как целый день разговаривал с фотографиями жены и дочери.

Ерунда какая-то.

Ведь именно после бесследного исчезновения Анны и Ники и закончилась карьера Майорова-певца. Слишком много непонятого было в той истории. Сначала какой-то ушлый папарацци сфотографировал уединившихся в джипе Майорова и Флоренскую в самый пикантный момент. В прессе поднялась грязная волна, все бросились искать Анну, желая выведать, что она чувствует и что собирается делать.

Но оказалось, что жена и дочь Алексея исчезли. Вот так – раз, и нет их. Причем все их документы, включая паспорта, как удалось вынюхать папарацци, остались дома. Было даже возбуждено уголовное дело о пропаже жены и дочери Алексея Майорова, но, увы, безрезультатно.

А Алексей продолжал встречаться с Изабеллой...

И поклонники отвернулись от своего кумира. Разочаровались в нем.

Да и сам Алексей перестал записывать новые песни, он словно угас. И в кино не стал продолжать сниматься, хотя его первый фильм, тот самый, в котором он снялся с Изабеллой, был очень успешным.

Но Майорова, похоже, кинокарьера тоже не волновала. Он исчез почти на год, ходили слухи, что этот год он провел в отчаянных поисках пропавшей семьи.

² См. книги Анны Ольховской «Право бурной ночи», «Охота светской львицы», «Лети, звезда, на небеса!» и «Увези меня на лимузине!».

А через год появился продюсер Алексей Майоров. Требовательный, порой жесткий, безупречно-щепетильный в финансовых вопросах, обладающий невероятным чутьем на изменения во вкусах публики, никогда не бравшийся раскручивать за бабки бездарей обоих полов.

И дело неожиданно пошло, все проекты Алексея оказывались успешными.

Казалось бы, живи да радуйся.

Но на рабочем столе Майорова лежит зачитанный до ветхости сборник стихов Анны Лощининой. Строчки из которого так точно отражают нынешнее состояние Алексея:

Стонет маета в твоих глазах,
Наполняя болью мою жизнь...

ГЛАВА 2

– Все, спасибо, достаточно! – Алексей хлопнул в ладоши, останавливая кошачий концерт, который очередная претендентка на звание певицы искренне считала пением.

Но с таким же успехом он мог бить в барабан, звонить в колокол и стрелять из пушки – силиконовая блондинка его не услышала бы. Потому что не хотела слышать – она ведь только начала петь, продюсер должен увидеть весь номер до конца, зря, что ли, она репетировала перед зеркалом, выбирая наиболее сексуальные (по мнению блонда) позы.

Которые в другой день могли бы даже рассмешить Алексея, но сегодня лишь раздражали до нервной чесухи. Как, в общем-то, и весь вид девицы – эдакая мечта стареющего папика, безмозглая и самоуверенная чика с перекачанными силиконом сисюндрами, очень напоминавшими Алексею дыни сорта «Колхозница».

Она продолжала водить пенопластом по стеклу – петь в ее представлении, не забывая призывно колыхать дынями. А чего им не колыхаться, если девушка, доведя размер груди до пятого, бюстгалтеры явно презирала, выпустив богатство на волю. Закрыто оно, богатство, было всего лишь невразумительной тряпочкой, которая задумывалась как топик, но размера на два меньше, чем надо. Нижняя часть блондинки была упакована в кожаные трусы (шорты, господа, имеют совсем другой крой) и чулки в сеточку. Между трусами и чулками белела стратегически оставленная полоска тела, которой вменялось в обязанность вызывать обильное слюноотделение у всех без исключения самцов. Но рыхлая белесая квашня, сотрясавшаяся при каждом «сексуальном» прыжке девицы вызывала у Алексея лишь приступ тошноты.

Может, он какой-то самец неправильный?

Рядом послышалось шумное сопение, сопровождаемое характерным звуком сдерживаемой рвоты.

Еще один неправильный самец попался.

– Что, Витек, – Алексей повернулся к сидевшему слева брюнету лет тридцати пяти, – изнемогаешь от страсти? Вождедеешь, капая слюной?

– Не могу больше! – страдальчески простонал тот. – Я, как эти ее труселя кожаные увидел, сразу понял, что под ними ничего, кроме собственно дамы, нет.

– И сразу возбудился, сатир похотливый!

– Ам! – при резком захлопывании ладонью рта обычно такой звук и получается. Брюнет сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, после чего мрачно проворчал: – Вы бы поосторожнее с инсинуациями, батюшка-царь, ежели не хотите свою одежду в чистку сдавать. Какое, на фиг, возбуждение, если она свое кожаное бельишко постирать не может!

– Ах, какие мы брезгливые! – ухмыльнулся Майоров. – Не знал бы я тебя столько лет, решил бы, что ты из этих, лазоревых. Ладно, иди прекрати это глумление над искусством, а то девушка на мои крики и хлопанья в ладоши не реагирует.

– Не пойду я! – отшатнулся брюнет. – У меня обоняние очень чувствительное. Вон Игоряша из охраны на нее правильно реагирует, его и отправьте. Заодно разнообразие в личную жизнь парня внесете. Эй, Игорь!

Рослый, очень коротко стриженный парень в трескавшемся на широченных плечах черном костюме, замороженно следивший за траекторией движения дынь, вздрогнул и нехотя обернулся:

– Да, Виктор Сергеевич?

– Иди на сцену и скажи девушке, что прослушивание закончено, господину Майорову пора на важную встречу. Мы уходим.

– Что, опять никого не выбрали?

– Нет.

– Не понимаю, – пожал могучими плечами парень, – сколько уже красоток вы прослушали, и каких красоток, – и чтобы никто не подошел?! А эта, – она кивнул на сцену, где продолжали трястись вразнобой дыни и ляжки, – вообще улетная телка!

– Вот поэтому ты охранник, а не продюсер, – хмыкнул, поднимаясь, Майоров. – Иди, Игорь, иди. Но в темпе, мы тебя ждать не будем.

Они уже садились в машину, когда за спиной послышались странные звуки – цокот в сопровождении смачных шлепков.

– Только не это! – скривился Алексей, оборачиваясь. – Игорь, я тебя уволю!

– Простите, Алексей Викторович, я просто не ожидал, что она такая шустрая, – пропыхтел охранник, перехватывая несущуюся прямо на босса блондинку. С немалым, между прочим, удовольствием перехватывая, за грудь.

– Пусти, урод, пусти! – заверещала девица, выворачиваясь из цепких рук парня. – Господин Майоров, как же так! Мне же обещали, что с вами вопрос решен, что прослушивание – так, для видимости! Вам ведь звонили, да?

– Может, и звонил кто, – пожал плечами Алексей, усаживаясь на заднее сиденье «Бентли», – но мой секретарь не соединила.

– Это как?

– Это так. Ей строго-настрого запрещено соединять меня с желающими порадеть за своего человечка. Прежде чем обращаться ко мне, вам, девушка, не помешало бы навести справки. Тогда вы знали бы, что я занимаюсь только с реально талантливыми людьми, а папики со своими кошечками меня не интересуют, независимо от толщины кошечек папиков. Обратитесь к Ривкину, он за деньги и бородавочника на сцену выведет.

– Бородавочника?! – рассвирепела блондинка. – Да у меня, к вашему сведению, ни одной бородавки нет! И вообще, не... корчить из себя принципиального, когда семью угробил ради любовницы! Сам свою б... активно проталкивает везде и всюду, а изображает из себя порядочного! А жена где с ребенком, а? Небось уже и косточки давно сгнили?

– Игорь, убери эту дрянь, – сквозь зубы прошипел Виктор, с тревогой наблюдая, как выцветает лицо друга. – Быстро.

– Убери? – завизжала девица. – Как семью убрал, да? Не получится, за мной такие люди...

Что делали за ней какие-то люди, узнать не удалось, охранник зажал лопатообразной ладонью рот блондинки и поволок ее обратно в здание ДК текстильщиков, где Алексей арендовал зрительный зал для прослушивания.

– Поехали, – приказал Виктор водителю.

– А Игорь?

– Своим ходом доберется.

– Куда сейчас, в офис?

– Нет, на старую квартиру, – тихо проговорил Алексей. Его осунувшееся лицо с закрытыми глазами сейчас напоминало гипсовую посмертную маску. – Виктор, сколько времени осталось до встречи с Изотовым?

– Чуть больше часа.

– Пожалуйста, перенеси ее в другой ресторан, поближе к тому дому, и предупреди Изотова.

– Понял. Может, вообще отменить?

– Еще чего! Забыл, каких трудов нам с ним стоило договориться? Это ведь Первый канал! И вообще, я в порядке, так, сердце немного прихватило. Полежу дома в тишине, отдохну, и все будет о'кей.

– Ага, конечно, – вполголоса пробурчал Виктор. – Особенно после той квартиры все будет о'кей, как же! Что ты себя изводишь, Алексей! Зачем создал музей из жилья? Давно уже

следовало бы сделать там ремонт, убрать вещи Аннушки и Ники, чтобы не рвать себе сердце, и жить дальше. Нет их, понимаешь, нет!

– Есть, – глухо проговорил Алексей. – Я чувствую.

– Что ты чувствуешь, что? Ника на связь выходит, как раньше?

– Нет. Но она просто разучилась это делать, вот и все. Но они живы, я знаю!

– Не лги себе, не надо. Ты застрял на стадии отрицания смерти, слишком надолго застрял.

Мы все – и я, и Левандовские, и Салимы, и Сашка с Винсентом – все, кому были дороги Аннушка и Ника, прошли через эту стадию. Почти год мы с тобой искали твоих девочек по всему миру, нам помогали и Хали Салим, и Винсент Морено – а его церэушные связи открыли нам многие двери – и что? Никаких следов, ни одного! А как мы надеялись на Михаила Исмаилова, последнего, кто видел Аннушку и Нику, как ждали, когда он выйдет из комы и расскажет, что произошло, почему он оказался в пропасти в расплющенной машине. А он ничего не помнит, вообще ничего! Даже жену с детьми забыл! Три года прошло, три! Будь твои девочки живы, они нашли бы способ подать о себе весточку, ты же знаешь Аннушку – она никогда не сдается.

– Знаю. И потому жду.

– Да лучше бы ты окончательно сошелся с этой своей Изабеллой, а не метался между двумя квартирами! – сорвался на крик Виктор. – Я готов терпеть общество мадемуазель Флоренской, хотя она нас всех, кто знал и любил Аннушку, раздражает одним своим видом, лишь бы ты окончательно принял неизбежное и научился с этим жить!

– Да не примете вы ее, – криво усмехнулся Алексей. – Я и сам ее принимать не хочу, но в то же время и без нее не могу. Физически не могу, понимаешь? Ломка начинается, как у наркомана.

– Если честно, не понимаю. Не верю я во всякие привороты-отвороты, глупости все это. В конце концов, если ты считаешь, что Изабелла тебя как-то приворожила, съездил бы к деду Тихону, старому знахарю, который тебя лечил когда-то. Он, насколько мне известно, разбирается в ведьмовстве.

– Не в ведьмовстве, а в ведовстве.

– Да какая разница!

– Большая, поверь. Что же касается деда Тихона – я к нему сразу поехал, как только вернулся тогда из Турции, где пропали мои. Думал, он поможет их найти своими методами...

– И что?

– А ничего. Нет деда Тихона.

– В смысле? Он что, умер?

– Надеюсь, что нет. Помнишь, какие пожары бушевали тем летом?

– Еще бы не помнить, в Москве дышать было нечем от смога.

– Так вот, лес, в котором находился хутор старика, выгорел дотла. Я там только обугленный остов печи нашел.

– Так может...

– Нет, я местных расспрашивал. Уцелел старик, его Ханыч спас.

– Тот алабай, что вы когда-то ему подарили? Знатный пес, помню.

– Да, хороший, его Ника выбрала. – Алексей на секунду замолчал, словно захлебнулся воздухом, потом заговорил снова: – В общем, ушел дед Тихон вместе с Ханом в неизвестном направлении, местные очень жалеют об этом, ведун он сильный.

– Ну поискал бы кого-то другого, бабку-шептуху, чтобы приворот сняла, – усмехнулся Виктор.

– Не ерничай, – сухо оборвал приятеля Алексей. – Ничего смешного в этом нет, поверь. Я раньше тоже хихикал над теми, кто верит в колдовство и магию, до поры до времени, пока

сам... Короче, к неизвестным бабкам я не пойду, а вот старика искать не перестану. О, мы уже приехали. Давай, Виктор, займись переносом места встречи, потом заедешь за мной.

– Хорошо.

ГЛАВА 3

Створки лифта раздвинулись, Алексей вышел на площадку своего этажа, вытаскивая из кармана ключи, и вдруг замер, прислушиваясь. Неужели?..

Нет. Заливистый детский смех колокольчиком звенел из соседней квартиры. Ему вторил басовитый лай развеселившегося пса. Такие обычные, такие привычные когда-то звуки. И такие невозможные сейчас.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Банальная до оскомы истина, верно?

Но по-прежнему истина.

Всего лишь три года назад он, Алексей, вот так же выходил из лифта, возвращаясь из очередного гастрольного тура. И детский смех в сопровождении веселого лая несся из его квартиры – это баловались Ника и их пес Май, ирландский волкодав, привезенный Анной после очередной передряги.

И Алексей ничего не мог поделаться с совершенно дурацкой счастливой улыбкой, расплывавшейся на лице и превращавшей глаза в щелочки. Да, собственно, и не хотел ничего поделываться, зачем? Он открывал ключом дверь, стараясь сделать это как можно тише, чтобы устроить сюрприз, но чаще всего у него ничего не получалось – Май сдавал хозяина на раз.

Пес с топотом врвался в прихожую, наваливался передними лапами на плечи Алексея и, молотя длинным хвостом, зализывал хохочущего хозяина. Его отталкивала Ника, с разбега запрыгивая папе на руки, сияла глазами Анна, ласково ворчала в дверях кухни их домохозяйка Катерина.

И в доме пахло пирогами. А еще – ванильным семейным счастьем, о котором Алексей всегда мечтал. И в которое уже не верил, устав от нездорового внимания поклонниц. Для всех женщин он был в первую очередь известный певец Алексей Майоров, а не человек Алексей Майоров.

Легкие победы, порой затейливый, но всегда слишком доступный секс, блеск в глазах при виде украшений – «Ой, какая прелесть! Купи мне это колечко!» Скучно.

А потом в его жизни появилась Анна Лощинина, журналистка из провинции, писавшая очень неплохие тексты песен. Собственно, Алексей заинтересовался в первую очередь именно текстами, предложив Анне сотрудничество.

И с этого момента скука закончилась, события понеслись одно за другим, причем совсем не веселые события, а очень даже страшные. Но чем больше развлекалась судьба, высыпая им на головы жуткие приключения, тем ближе становились они друг другу.

Анна, жизнь моя, любовь моя, зайцерыб мой родной, ну как же так?! Ты ведь всегда возвращалась, ты выжила в страшном цунами, ты спаслась из лап маньяка-людоеда, ты смогла противостоять колдуну черного Вуду, вырвав из его лап нашу Нику.

Нашу дочку, девочку-индиго, наделенную необычными способностями.

Алексей навсегда запомнил то мгновение, когда к нему, лежавшему тогда полуовощем в плену жадных до его денег тварей, донеслось откуда-то издалека теплое ощущение-искорка: «Папа!» Это появилась на свет Ника.

Его малышка с самого рождения поддерживала ментальную связь с отцом, она, совсем тогда еще кроха девяти месяцев от роду, спасла его, удержав на грани бытия.

Алексей не мог понять природу способностей своей дочери, впрочем, не только он. Никто не мог объяснить феномен детей-индиго, которых рождалось на планете все больше и больше. И никто до конца не знал, на что они способны...

Но те, кто сам был наделен той или иной силой, чувствовали мощь этих способностей и стремились подчинить их себе.

Так случилось и с Никой – она привлекла внимание колдуна черного Вуду, пожелавшего сделать из малышки свою преемницу, перетянув ее на сторону зла³.

И если бы не Анна...

Нельзя недооценивать силу материнской любви, господу колдуны и прочая нечисть.

А еще – силу характера. Его милая, смешная хомка, его нежный зайцерыб, его язвительная и остроумная женушка в некоторых ситуациях превращалась в монолит, расколоть который не удавалось никому.

А он, Алексей, как-то совсем упустил это из виду, расслабившись от нескольких лет спокойной, безмятежной жизни. Всякая-разная жуть осталась позади, в их жизни наконец наступил штиль, и господину Майорову опять стало скучно, ванильное счастье казалось таким банальным, таким привычным!

И он завел интрижку с Изабеллой Флоренской. Вернее, думал, что банальную интрижку, а оказалось...

Алексей вовсе не собирался менять семью на эту красотку, он любил жену и обожал дочь, но – адреналинчик погонять захотелось.

Вот и погонял. Папарацци пронюхали о его связи, скандальные публикации следовали одна за другой, Алексей срочно вернулся из Киева, где проходили съемки фильма, в Москву, чтобы объясниться с женой, но ни жены, ни дочери не нашел. С помощью Сергея Львовича Левандовского, генерала ФСБ и старого друга их семьи, он прошерстил все аэропорты и железнодорожные вокзалы, пытаясь понять, куда уехали Анна с Никой. А потом обнаружилось, что паспорта жены и дочери остались дома...

Алексей тогда чуть с ума не сошел, он, правда, смог один раз дозвониться до Анны, но она отказалась с ним говорить. Ника вообще не брала трубку телефона, а потом оба мобильника оказались выключенными.

А спустя десять дней позвонил Хали Салим, муж Таньского, лучшей подруги Анны, и рассказал, что Анна улетела вместе с Никой в Турцию по поддельным документам. Она вовсе не убегала от мужа, на тот момент она ничего не знала об измене, она просто не хотела привлекать к себе и Нике излишнее внимание, путешествуя как жена и дочь Алексея Майорова.

Устав от безделья, Анна решила вернуться в журналистику, и ей это почти удалось. Один из довольно известных еженедельников заказал большую статью о русских на курорте, и Анна, прихватив с собой дочь, купила путевки в пятизвездочный «русский» отель и улетела в Турцию. Она попросила Татьяну, бывшую замужем за сыном владельца сети элитных отелей Хали Салимом, дать ей координаты надежного человека, который мог бы помочь со сбором материала. И Таньский выполнила просьбу, связав подругу с приятелем мужа, Михаилом Исмаиловым, работавшим в одной из крупнейших туристических компаний Турции.

Когда Анна узнала из газет о предательстве мужа, она собиралась после окончания срока путевки вернуться не в Москву, а в Швейцарию, где жила семья Салимов. Но вот срок закончился, а они не прилетели. И оба телефона были выключены.

Татьяна перепугалась и рассказала все мужу, а тот, обозвав супругу ослицей, бросился звонить Алексею, которого, если честно, осуждал только за то, что приятель не смог удержать свои шалости в тайне.

Был объявлен общий сбор, и на следующий день в Турции высадился десант, в списочном составе которого числились сам Алексей, Виктор, Хали Салим, Винсент Морено – бойфренд Саши Голубовской, другой подруги Анны, а по совместительству – полевой агент ЦРУ, и генерал Левандовский собственной разъяренной персоной.

³ См. книги Анны Ольховской «Фея белой магии» и «Царство черной обезьяны».

Но даже объединенные усилия ЦРУ и ФСБ не смогли помочь – Анна и Ника исчезли бесследно. Единственный человек, который мог прояснить ситуацию, – Михаил Исмаилов – находился в коме, чудом уцелев после жуткой аварии.

Спустя семь месяцев Михаил вышел из комы, но, увы, он потерял память.

А Анна и Ника исчезли. Бесследно, безнадежно.

И практически все друзья и знакомые смирились с мыслью о том, что их больше нет. Что они умерли. Потому что будь это не так, Анна давно бы уже смогла подать весточку о себе.

Не смирились только двое – сам Алексей и Май. Верный пес, уже основательно постаревший – двенадцать лет для собаки возраст внушительный, – все эти три года не играл, не бегал, не прыгал. Он часами лежал у входной двери, ожидая возвращения любимых хозяек. А когда летом Левандовские вывозили его на дачу, пес все дни простаивал у ворот, глядя на дорогу.

Почему Левандовские? Потому что Май не простил предательства. Как пес смог понять, что произошло, Алексей не знал. Но три года назад, когда он приехал на дачу к Левандовским, где Май находился на время отсутствия хозяев, пес не бросился к нему, как раньше, не зализал, трясась от счастья встречи.

Подъезжая к даче друзей, Алексей издали увидел замерший у ворот гигантский собачий силуэт. Опустив голову, Май исподлобья смотрел на приближавшуюся машину, не двигаясь с места.

– И вот так все время с момента исчезновения девочек, – тяжело вздохнул Артур, сын генерала и друг Алексея. – Инга и так ревет без конца, а как увидит Мая – вообще в рыданиях заходится. Мы ее с дачи увезли, сил нет смотреть.

– Милый Кузнечик, – грустно улыбнулся Алексей. – Бедная малышка, она так любит моих!

– Ага, малышка, – усмехнулся Артур. – Ты когда ее последний раз видел?

– Почти год назад, а что?

– Да ничего. Забыл, что малышка в этом году школу заканчивает? Это теперь не Кузнечик, а семнадцатилетний мотылек. Вернее, шершень, кусается – будь здоров. Тебе, кстати, в ближайшее время лучше с ней не встречаться, пусть Инга успокоится немного.

– Да я все понимаю, – тяжело вздохнул Алексей. – Но ничего, я скоро найду Аннушку и Никуську, тогда мы с Кузнечиком, вернее – Шершнем, и помиримся.

– Ну да, конечно, – поспешно закивал Артур, отводя взгляд, – обязательно найдешь. Май, посмотри, кто приехал!

– Здравствуй, псякище, – Алексей выбрался из машины и почти бегом направился к волкодаву. – Ну, как ты тут без меня? Соскучился?

Страшный, глухой рык, молниеносный бросок мощного тела – и металлические ворота едва выдержали напор звериной ярости.

Алексей отшатнулся от решетки, за которой бушевал Май. Пес хрипел, заходясь от лая, в глазах пылала лютая злоба, из-под сильных лап летели комья земли.

– Май, ты что творишь? – растерянно проговорил Артур, боясь приблизиться. – Может, он взбесился?

– Нет, – покачал головой Алексей, возвращаясь к машине. – Он меня не простил. И он прав – это я во всем виноват.

– Да откуда собака может знать, что произошло и кто виноват?!

– Он не знает, он чувствует. Любящим сердцем чувствует, преданностью и верностью чувствует, – Алексей катнул желваки, – какая я сволочь. Можно, Май останется у вас, пока я не найду семью?

– Конечно!

И вот уже три года пес живет у Левандовских. И все эти три года Алексей не был у них дома, хотя и Ирина Ильинична, мама Артура, и Алина, его жена, не переставали звать в гости.

Но какие могут быть гости, когда тебя так и не простили в этом доме двое. Май и Инга.
Да и он сам себя не простил.

ГЛАВА 4

Алексей постоял еще пару мгновений перед дверью квартиры, глупо надеясь, что вот сейчас она, дверь, распахнется, и у него на шее с визгом повиснет Никуська.

Действительно, глупо. Связка ключей несколько раз недовольно бренькнула, потревоженная возней одного из братьев. Вернее, двух – на двери красовались два замка.

Ну вот я и дома.

Вот только дом почему-то пахнет запустением и пылью, а не стряпней Катерины. Сколько он ни уговаривал свою бессменную домоправительницу, проработавшую на Алексея Майорова больше пятнадцати лет, не уходить, остаться здесь, в этой квартире, чтобы поддерживать порядок, ожидая возвращения Анны и Ники, та не согласилась.

– Не могу, Алексей, никак не могу! – Катерина отвернулась и украдкой вытерла струившиеся по пухлым щекам слезы. – Сил моих нет больше! То тапочки Никушины увижу, то бантик, на туалетном столике Аннушки ее духи любимые стоят, халат на спинке кровати брошен – все время кажется, что они вот-вот войдут, и Никушенька помчится на кухню таскать горячие пирожки, а Аннушка будет ворчать, что егоза руки не вымыла. Господи, ну за что? За что? Ведь столько вынесли вы, столько всего сваливалось, но ведь потом стало так хорошо, так спокойно! Вы же моя семья, Алешенька!

– И ты тоже моя семья, – хрипло проговорил Алексей. – Пожалуйста, не бросай меня!

– Извини, Алешенька, не могу, – Катерина упрямо поджала губы и отвела взгляд. – После всего, что ты натворил, – не могу.

– Ну хоть ты-то меня не добивай! Ты же видишь, как мне плохо!

– Было бы плохо – не жил бы с этой девкой, с этой змеей подколодной! Спасибо, хоть подумался сюда ее не приводить, другое место срамным сделал!

– Катерина!

– А что Катерина, что Катерина! Шестьдесят лет уже Катерина! Больше не хочу видеть, как ты с другими бабами кувыркаешься, хватит с меня и давешней Ирки! Чуть на тот свет не отправилась благодаря полюбовнице твоей! И чем это закончилось для тебя, а? Забыл? Забыл, в каком виде тебя домой привезли после того, как тебя Никушенька и Аннушка отыскали? Обгорелый, изуродованный, душа еле держится! А все бабы, все блуд твой! И ведь простила тебя тогда Аннушка, смогла пересилить гордость свою, потому что любила тебя, засранца такого, больше жизни! Молчи! Я все скажу, накипело! Что вы за народ такой, мужики, а? Почему вам не живется спокойно, почему надо обязательно все испоганить ради твари блудливой?! Не сверкай глазами, не надо! Попробуй только заступиться за свою кошку драную, я тебе напоследок еще и наподдам! Можешь потом в милицию бежать, жалобиться – дескать, домработница с глузду съехала, на меня напала! Да как же так можно было, а? Как?! Или ты думал, что Аннушка и на этот раз простит? А вот не простила! Ой, горе-то какое, горе! – Боевой запал вдруг вычихался, губы Катерины задрожали, а слезы снова с готовностью побежали по уже проторенным дорожкам. Много их, наверное, накопилось, очень много. – Что ж ты с собой и дочкой сотворила, Анечка? Как ты могла!

– Катерина, прекрати! – Алексей, все это время стоявший у окна, прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. – Они живы, ты слышала? И я их найду!

– Так ведь искали уже, все искали, – домоправительница с шумом высморкалась в большой платок. – И что? И ничего.

– Они вернуться, вот увидишь. И я хочу, чтобы Анна и Ника вернулись в тот самый дом, из которого ушли. И чтобы ты их встретила.

– Прости, Алеша, но я тебе не верю, – Катерина решительно поднялась и направилась к входной двери. – Я осталась бы с тобой, если бы ты порвал с той паршивкой и жил здесь. Но ты

ведь не только не порвал, ты еще и квартиру любовнице купил, и машину, и бриллиантами, пишут, ее обвешал! И живешь с ней, и проталкиваешь эту...вошку дальше в кино! А потом будешь мне тут рассказывать, как ты о семье тоскуешь! Не думала я, что ты такой двуличный и подлый!

– Катерина, ты все неправильно понимаешь, это сложно объяснить...

– Да просто все, очень просто. Разочаровал ты меня, Алексей, вот что я тебе скажу. Видеть тебя больше не хочу!

И она ушла. И слово свое сдержала – за все эти годы ни разу не позвонила Алексею, не зашла в гости. А вот к Левандовским заживала, на чаек к Ирине Ильиничне. Они обе считали себя бабушками Ники – родных бабуль ведь у девочки не было – и искренне тосковали по своей внучечке. Ведь даже могилки нет, на которую можно сходить, поплакать!

Ирина Ильинична не была столь же категорична, как «баба Катя», но и ее отношение к Алексею изменилось. Да, если честно, изменилось все. И круг друзей резко сократился – ушли Салимы, Голубовские, Винсент, ненавидела его Инга, прохладно держались Алина и Сергей Львович. Нет, они не порвали с Алексеем, но и прежнего душевного тепла больше не было.

А вот дружба с Артуром и Виктором выдержала и это испытание, хотя поначалу оба осуждали Алексея, не могли понять его поведения в отношении Изабеллы Флоренской. Но потом увидели, что это сродни болезни, наркотической зависимости, что Майоров действительно хочет, но не может порвать с этой женщиной, и приняли ситуацию такой, какая она есть.

А вот поклонники певца Алексея Майорова не приняли. Имидж, который складывался и укреплялся годами, в одночасье рухнул. Умный, сильный, ироничный, но главное – по-настоящему порядочный мужик и семьянин вдруг оказался обычным бабником, да еще и замаранным грязной историей с исчезновением семьи. Да, уголовное дело было закрыто, ну и что? Где жена, которая могла претендовать на немалые деньги в случае развода, где дочь? А нету! И денежки при папе, и новая баба вся в шоколаде.

Концертов становилось все меньше, на сборники в Кремле приглашали все реже. Записывать новые песни Алексей больше не мог, потому что не было его любимого автора – Анны Лощининой. Но самое главное – не было желания петь. Совсем.

И он стал продюсером. А Виктор, проработавший у него администратором почти десять лет, превратился в верного помощника. Можно было бы сказать – стал правой рукой Алексея Майорова, но у Алексея имелась своя рука на месте, а называть друга протезом как-то не хотелось.

Он прошел по квартире, по очереди заглядывая во все комнаты. Виктор отчасти прав – дом действительно превратился в музей. Музей исчезнувшей семьи Майоровых.

Все осталось точно в том виде, как было в момент отъезда Анны и Ники. Разбросанные книжки в комнате дочери, распластавшийся у зеркала смешной капроновый бант, купленный когда-то Катериной, неразобранный ранец... Халат Анны, ее духи, расческа с парой запутавшихся светлых волосков, компьютер, в котором Алексей нашел все статьи жены. Умные, ироничные, хлесткие – она была прекрасной журналисткой.

Была? Ты тоже начал думать о ней в прошедшем времени?

Не смей!

Алексей прошел в гостиную, лег на диван, собираясь отдохнуть перед важной встречей, и включил телевизор.

Дневной эфир удручал – либо слезливые сериалы, либо кретинские ситкомы с закадровым гоготом, либо всяческие оздоровительно-поучительные программы типа «Как вылечить СПИД с помощью уринотерапии».

Ага, новости. Это уже лучше.

Впрочем, не совсем. У Алексея складывалось впечатление, что руководство большинства телевизионных каналов в розовошечном отрочестве отрывало мухам лапки, а бабочкам – крылышки. Их не привлекала красота, их интересовали боль и страдание.

А потом детки выросли, заняли уютные креслица и перенесли свои интересы на экраны телевизоров. Зачем показывать хорошее, доброе, светлое – рейтинга не будет. Вон, видели, что с каналом «Культура» происходит? То-то же.

Поэтому в новостях – в основном о плохом. Взрывы, аварии, убийства и прочие завлекучки – главное блюдо. Чуть-чуть экономики по вкусу, щепотку культурных событий – и варено под названием «Новости» готово.

Вот и сейчас с экрана ажиотированно тараторила корреспондентка, прыгая вдоль натянутой милицией специальной полоски, ограничивающей место преступления. На этот раз местом преступления был, похоже, автомобиль. Судя по виду – довольно старенький «Фольксваген». Все дверцы распахнуты, вокруг привычно сновали члены опергруппы, а с заднего сиденья машины свесилась узкая девичья рука с необычным перстнем на пальце.

Что-то на мгновение царапнуло сознание, но вскользь, почти неощутимо. Слушать о том, что снова обнаружена жертва «автомобильного маньяка», или, как его называли в Интернете – Дракулы, не хотелось. Как, впрочем, и обо всех других маньяках тоже. Мерзко это все, гнусно. Какая-то сволочь измывается над полными надежд и жизни людьми, потом забирает жизнь, принося горе и боль в семьи жертв, а телевидение и пресса смакуют это во всех подробностях! Как же – после «Битцевского маньяка» в Москве впервые появился новый урод, который вот уже на протяжении полугода убивал девушек, причем на этот раз никакой привязки к определенному месту, как это было с поклонником Битцевского парка, не было. Угнанную накануне машину с телом несчастной каждый раз находили в другом районе Москвы. Судя по всему, действовал законченный псих – мало того что жертва была зверски изнасилована, труп находили практически обескровленным, с разорванной сонной артерией. Именно разорванной, словно действовал зверь.

Именно об этом и трещала сейчас корреспондентка.

Нет уж, спасибо, не надо. Я отдохнуть должен, настроиться.

Алексей выключил телевизор и закрыл глаза. Может, получится подремать.

ГЛАВА 5

Увы, не сложилось. Вернее, сначала очень даже сложилось – во всяком случае, веки послушно закрылись, погружая хозяина в уютную дремоту, но шарахнувший по слуховым нервам телефонный звонок буквально смел Алексея с дивана.

Потому что заливался городской телефон, причем звонки бежали один за другим, нетерпеливо толкая предыдущего в спину. Так звучит межгород.

Неужели?..

Сердце в груди распухло до невероятных размеров, перекрыв доступ кислороду, в ушах назойливо звенел непонятно как очутившийся там комар, вместо рук болтались тряпичные конечности старой куклы, которые никак не желали слушаться.

И роняли трубку радиотелефона на пол вот уже в третий раз.

Да что ж ты за размазня такая, господин Майоров! Немедленно сгребь себя в кучу и ответь на звонок, иначе там, на другом конце эфирного мостика, положат трубку! И тогда, тогда...

«Тогда» отменялось, сложнейшая задача по надежной фиксации телефона в ватной ладони была успешно решена.

– Да, слушаю! – пришлось кричать, чтобы преодолеть грохот сердца и звон кретинского комара. – Зайцерыб, это ты?!

– Слава богу, нет, – насмешливо проговорил чувственный, бархатный голос. – Ни на зайца, ни на рыбу, ни на жуткого мутанта, который мог бы получиться в результате скрещивания этих особей, я не похожа. И вообще, ты чего так орешь? И сколько можно от меня скрываться? Мне это надоело, в конце концов! Сначала твоя старая овца блеет, что Алексей Викторович занят и просил не соединять, потом ты уехал, мобильный не отвечает! Ну, чего молчишь?

– Тебе на какой вопрос прежде ответить – чего орешь или чего молчишь? – когда-то этот голос вызывал волну вожделения, а теперь вожделение сменилось раздражением.

Это не межгород, это всего лишь звонок с мобильного...

– Он еще и издевается!

– Изабелла, не визжи, у меня от твоего дисканта голова раскалывается!

– Во-первых, у меня не дискант, а контральты, – истеричные нотки вдруг исчезли, сменившись сексуальным мурлыканьем. – А во-вторых, я просто соскучилась. Утром ты ушел, не поцеловав меня на прощание...

– Прекрати, – поморщился Майоров.

– Что прекратить, Лекс?

– Прекрати делать вид, что мы с тобой – любящая пара. Я уже сто раз тебе говорил – нас связывает только секс, и ничего больше! И это меня раздражает больше всего!

– Раздражает? Секс?! Да другой бы мужик радовался безмерно, что в таком возрасте способен удовлетворять молодую страстную женщину! А ты способен, еще как способен, – в голосе появилась хрипотца, – ты просто тигр в постели!

Черт, черт, черт!!!

– Изабелла, – очень хотелось сказать – «заткнись», очень, но он сдержался, – кто тебе сказал, что я здесь?

– Никто, я просто решила позвонить на всякий случай, я же знаю, куда ты любишь сбегать от меня.

– Но зачем ты вообще мне звонишь, я же тебя просил – на работе меня не беспокоить!

– Так я по работе и звоню! Ты же и мой продюсер, не забыл?

Очень хотелось бы забыть, если честно. Раз и навсегда.

– Говори быстрее, у меня важная встреча скоро.

– Я знаю, с Изотовым, я поэтому тебя и разыскивала. Хотела утром поговорить, дома, но ты убежал, даже не позавтракав.

– А какое тебе дело до моей встречи с Изотовым?

– Фу, какой ты грубый, Лекс!

– Я сто раз просил не называть меня этим идиотским именем!

– Но Алексей – слишком официально, а Леша – слишком плебейски. И вообще, раньше тебе нравилось!

– Так, у меня мобильный звонит, это Виктор. Мне пора.

– Подожди! Я же не сказала, чего хотела!

– Меньше трещать надо было. Научись говорить кратко и по существу – тогда и обращайся.

– Я кратко! Мне тут сорока на хвосте принесла, что Первый канал собирается сериал в работу запускать, с хорошим сценарием и офигительным бюджетом.

– Допустим, – сегодняшняя встреча, собственно, и была посвящена именно этой теме, Алексей хотел, чтобы главный саундтрек будущего сериала записал его подопечный, талантливый парень из Удмуртии Антон Петрушин, сценический псевдоним – Петруччио. – И что?

– Как это – что?! – совершенно искренне возмутилась Изабелла. – Я хочу сниматься в этом сериале!

– Но ты же сейчас снимаешься у Вертова.

– очередное подтверждение того, что ты меня никогда не слушаешь. Вечно сидишь со стеклянными глазами, о чем-то своем думаешь, пока я воздух сотрясаю! Я же говорила – съемки у Вертова уже закончились, сейчас идет озвучка, так что я вполне могла бы сняться в проекте Первого канала.

– Небось на главную роль облизываешься?

– Почему бы и нет?

– Забудь, на главную уже утверждена Марина Воробьева.

– Что?! Эта невзрачная курица?!

– Марина в первую очередь очень талантливая актриса, да и невзрачной я бы ее не назвал. Между прочим, в рейтингах самых красивых актрис она находится выше тебя. К тому же для роли в сериале нужен ее типаж – белокожая нежная блондинка с голубыми глазами, а никак не смуглая кареглазая Дикарка.

– Вот же привязалось прозвище! Я уже переиграла столько разноплановых ролей, что давно пора было забыть о Дикарке, так нет же! Ладно, на главную – Маринку, но ведь есть и другие почти главные роли, неужели не найдется для меня ничего подходящего? Это ведь и в твоих интересах. Финансовых.

– Ладно, попробую узнать.

– Ты чудо! Я тебя обожаю!

– Все, пока.

Алексей нажал кнопку отбоя и аккуратно положил трубку на базу. Вот и отдохнул! Пережитый всплеск безумной надежды с последующим срывом в болото разочарования вымотал его до доньшка, ни сил, ни делового запала для предстоящих переговоров с одним из первых лиц главного телевизионного канала не осталось.

По-хорошему встречу следовало бы перенести, но, увы, невозможно. Другого раза не будет, поскольку именно он, Майоров, в этой встрече лицо заинтересованное, а вовсе не господин Изотов.

Поэтому придется рассчитывать на профессионализм и подсознание. Нет, подсознание лучше не задействовать, никогда не знаешь, какие сюрпризы там спрятались. Лучше все-таки верхний этаж открыть, сознание. Разум, в общем.

И они справились вполне успешно – разум с профессионализмом. Правда, в качестве надежных подпорок для них пришлось использовать единственную оставшуюся силу – силу воли.

Ну а то, что к концу обеда-переговоров он чувствовал себя выдавленным до последней капли тюбиком зубной пасты скупердяя, катастрофичным не являлось. Вот сейчас обед закончится, Изотов уйдет, и в ресторане появится верный друг и помощник Виктор в сопровождении тягловой силы – охранника Игоря.

Затем тягловая сила взвалит на плечо опустошенный с помощью холодного утюга тюбик и отнесет его в машину. И – домой. К себе домой, не к Изабелле.

Ох ты, а о ней-то и забыл! Продюсер, называется! Профессионал! Мадемуазель Флоренская ведь не только раздражающая тебя любовница, но и твоя подопечная, приносящая, между прочим, неплохой доход.

– Ну что же, Алексей Викторович, – Изотов, невысокий худощавый мужчина в безупречно сшитом костюме, поднял бокал, в котором рубиново поблескивало вино, – давайте выпьем за наш будущий сериал! Да, именно наш, потому что хороший, запоминающийся саундтрек – не последняя составляющая коммерческого успеха. А ваш Петруччио – парень талантливый, с искрой, с куражом, от него не только малолетки в восторге, но и девушки постарше, да и, мне кажется, все представительницы прекрасного пола. Он мне очень напоминает вас в начале карьеры.

– Мне тоже, – грустно усмехнулся Майоров.

– Да ладно вам! – дружески подмигнул Изотов. – Не вижу повода для сожаления. Вы очень вовремя ушли со сцены, очень. И весьма удачно сменили сферу деятельности. Не побоюсь выглядеть банальным – талантливый человек талантлив во всем! А вот из кино вы, на мой взгляд, ушли напрасно, ваш дебют был запоминающимся.

– Да уж, – Алексей отвел глаза и катнул желваки, – запоминающимся.

– Ох, простите, я совсем забыл, – смутился Изотов. – Их ведь так и не нашли, ваших жену и дочь?

– Нет.

– А...

– Извините, но мне не хотелось бы об этом говорить.

– Еще раз прошу прощения. Теперь я, кажется, понял причину вашего ухода и из кино тоже.

– Ну, предположим, ушел я не до конца.

– Вы об Изабелле? Да, красивая женщина и актриса не без способностей, думаю, с ней вы работаете не в убыток себе.

Это как сказать. Квартира, машина, брюлики... Сатир ты облезлый, господин Майоров. Но раз уж так удачно разговор сам собой вышел на Изабеллу, этим надо воспользоваться.

– Кстати, об Изабелле, – надеюсь, улыбка получилась достаточно непринужденной. – Владлен Юрьевич, а в вашем сериале...

– В нашем сериале.

– Ну да, конечно. В нашем сериале уже закончен кастинг?

– Практически да. Во всяком случае, актеры на мало-мальски заметные роли почти все утверждены, а на эпизод ваша протеже вряд ли согласится. А разве она не занята у Вертова?

– Там уже озвучка идет, и мне пора подыскивать для Изабеллы новый проект.

– Жаль, что вы раньше ко мне не обратились. Но обещаю – в случае форс-мажора, если кто-то из ведущих актрис не сможет сниматься, мы обязательно пригласим мадемуазель Флоренскую.

– Без проб?

– Там посмотрим. Но, если честно, форс-мажор нам нужен меньше всего, вы же понимаете.

– Да уж, он никому не нужен.

ГЛАВА 6

Транспортировка в «Бентли» прошла удачно, Алексей даже смог передвигаться самостоятельно. Правда, пришлось побороться со шквалистым ветром, обрушившимся при выходе из ресторана, но человек, если кто забыл, венец творенья и царь природы, что ему какой-то ураган!

Что? Никакого урагана и шквалистого ветра, всего лишь подул легкий ветерок бабьего лета, помогая путешествовать вцепившемуся в паутинку восьминогую крохе? Ничего подобного, был ураган, был, вон даже два пожелтевших кленовых листа сорвало и на полтора метра отнесло, вот.

– Да уж, дружище, – Виктор сочувственно взгляделся в бледное лицо Майорова, – что-то ты совсем расклеился. Лицо с легкой зеленцой, напоминает сыр с плесенью, круги под глазами, щеки ввалились – ты словно после тяжелой болезни. Как будто и не отобедал только что в одном из лучших ресторанов столицы! Может, к врачу съездим?

– Никаких врачей, я просто устал жутко, – Алексей откинулся на спинку сиденья и с силой провел ладонями по лицу.

– Я же говорил – не получится у тебя в той квартире отдохнуть, только изведешься весь!

– Да это не квартира, это Изабелла. Представляешь, позвонила мне на тот городской! А звонок с мобильного звучит так же, как с межгорода, и я...

– Все понятно, можешь не продолжать. Думаю, на сегодня с тебя хватит, поезжай домой, а я в офис загляну, планы на завтра откорректирую. Антон, кстати, звонил из студии звукозаписи, там какие-то заморочки с графиком, вроде группа «Пупсики» заявила и скандалит, что через полчаса их время.

– Тогда давай на студию заедем, разберемся.

– Я сам разберусь, из тебя сейчас разборщик никакущий.

– Почему же, вполне какущий, со стулом у меня все в порядке.

– Очередное подтверждение тотальной усталости – туалетный юмор. Давненько вы, Алексей Викторович, не острили столь изящно. Все, домой, отдыхать!

– Ладно, уговорил, – слабо улыбнулся Майоров. – Поехали домой. Только ко мне домой, компрене?

– Что так?

– Не хочу встречаться с Изабеллой, меня уже от одного ее голоса тошнит.

– В первый раз, что ли! Все равно скоро ломка начнется, и побежишь к ней, роняя тапки и слюни.

– Ничего смешного в этом нет, ты же знаешь. Без помощи мне не обойтись, а деда Тихона найти не удастся.

– Да тут и дед Тихон не особо нужен, достаточно провести месяца два-три вдали от госпожи Флоренской. Помучаешься, поломает тебя, а потом пройдет наваждение.

– Виктор, давай не будем это обсуждать в сотый раз, о'кей? Я ведь почти год без Изабеллы обходился, когда моих искал по всему свету, и что? Стоило встретить ее, и все началось по новой.

– Ну и не ерпенься тогда, живи с ней. Может, полегчает. Я, кстати, не так давно рассказ фантастический прочитал, там ученый один помог деревенской дурочке научиться управлять своими ведьминскими способностями, а та в него влюбилась, и мужик попал! Потому что способности эти проявлялись только тогда, когда девица злилась. И пока мужик от нее бегал, она ему устраивала козью морду, а когда...

– Знаю я этот рассказ, читал. «Где бы ты ни был» называется. То есть ты предлагаешь мне смириться со своей участью и не злить Изабеллу?

– А что? Тем более что ведьмочка тебе досталась очень даже ничего, внешность и сексапил на уровне. И не сверкай ты глазами, не надо! Ты же знаешь, как я относился к Аннушке и Нике, но что же теперь делать! Пора научиться жить без них, понимаешь? Ты же не старый дед, у тебя будут еще дети...

– Нет! – От громкого вопля босса водитель едва не врезался в идущую впереди машину. – Прекрати, Виктор, прошу тебя. Эта тема закрыта. Другой семьи у меня не будет, запомни.

– Ну и дурак. Кстати, осел упертый, а в твоей квартире еда какая-нибудь имеется? Или макароны с консервами в очко дуются?

– Не в очко, а в преферанс, – проворчал Алексей. – Ну и что, я не голоден.

– Чай, кофе, сахар присутствуют?

– Отсутствуют.

– Понятно. Петрович, сворачивай к супермаркету.

– Ага, сворачивай, – заворчал водитель. – Нету тут поворота, придется теперь покрутиться. Не могли раньше сказать!

– Побухти мне еще, Шумахер рязанский! – усмехнулся Виктор. – Вмиг уволю.

– Ой, напугали-то как!

Семен Петрович Кроликов работал у Алексея Майорова водителем два года, был профессионалом экстра-класса, великолепно знал все закоулочки и объездные пути Москвы, но самым главным его достоинством была абсолютная надежность. При нем можно было разговаривать на любые темы – информация за пределы машины не выходила.

Поэтому на ворчливость Петровича внимания никто не обращал.

Как и на некоторую ограниченность охранника Игоря. Собственно, высокий уровень в работе секьюрити не является основным критерием, а вот способность держать рот на замке приветствуется.

Алексей в магазин не пошел, его до сих пор узнавали на улице, поэтому миссию по наполнению холодильника друга взял на себя Виктор.

Увидев магазинную тележку, доверху заполненную продуктами, Майоров робко поинтересовался:

– А что, у меня дома определена на постой рота солдат?

– Ой, не скромничай, ладно? Насчет пошамать ты мастер, к тому же пришлось учитывать тоскливую пустоту кухонных полок.

Развеселив кухонные полки компанией провианта, Виктор умчался на студию звукозаписи, где уже буянили «Пупсики».

Нет, не девичья группа. И не мальчиковая. А какая же?

Фиг его знает. Трансвеститы – они кто?

Вот они и буянили.

А Алексей решил принять ванну. Именно ванну, а не душ, потому что очень хотелось расслабиться, смыть с себя муторное напряжение сегодняшнего дня.

В шкафчике нашлась упаковка ароматизированной морской соли, купленной еще Анной, она любила всякие такие штучки – пену, соли, аромабомбочки.

Опять?! Не любила – любит!

Похоже, он задремал, расслабившись в теплой воде, потому что вдруг обнаружилось, что вода давно остыла, а он замерз.

Алексей включил воду погорячее и вскоре зеркало в ванной комнате запотело. Но он не обращал на это внимания, пока не решил расчесать мокрые волосы.

И замер, не в силах пошевелиться.

Потом зажмурился, потряс головой, словно прогоняя видение, потом ущипнул себя за руку, вскрикнул и протянул задрожавшие вдруг пальцы к проступившим на стекле словам:

«Папа, я соскучилась!»

Как, что, откуда, почему – в голове началась бестолковая вокзальная суэта неуместных сейчас вопросов. Это все потом, после, сейчас главное – сохранить послание, чтобы самому себе доказать потом – не привиделось, было.

Пар исчезал, буквы таяли. Алексей полностью открыл кран горячей воды, ванная снова начала заполняться паром. Так, теперь мобильный, где этот дурацкий мобильный? Почему его никогда нет под рукой?!

Он метнулся в комнату, где оставил костюм, пошарил в карманах и вытащил свой навороченный смартфон. Здесь должна быть хорошая, чувствительная фотокамера, так обещали производители.

Алексей практически не использовал мобильник в качестве фотоаппарата, нечего и некого было снимать.

А теперь – было.

Пара в ванной набралось столько, что видимость глухо шлепнулась на нулевой уровень. Так, надо открыть дверь, чтобы можно было фотографировать. Лишь бы только ему не показалось, не примстилось! Это не галлюцинации, нет!

Пар немного рассеялся, и оказалось, что слова, выведенные на зеркале детской рукой, никуда не исчезли, они по-прежнему пересекали практически всю плоскость стекла.

Алексей фотографировал надпись до тех пор, пока пар окончательно не исчез, унося с собой послание дочери. Наверное, оно снова появится, когда зеркало запотеет, но не сидеть же все время в ванной!

А так весточка от Ники будет с ним всегда.

Вот только от какой Ники – живой или...

Живой, конечно живой, меньше глупых фильмов о призраках смотреть надо.

ГЛАВА 7

Алексей вышел из хорошо прогретой парной, в которую превратилась его ванная, и тут же был атакован армией мурашек, молниеносно рассредоточившихся по всему телу. Одеваться надо, приятель, между прочим, а не расхаживать по квартире голым. Пусть и бабье лето за окном, но все равно осень, начало октября, и по ночам уже бывают заморозки. А отопление еще не включили.

Вот и получи халат из мурашек, отороченный пупырышками.

Нет уж, лучше нормальный халат, теплый и уютный, который купила ему жена. Анна тогда нашла в магазине славный такой комплект с оригинальным названием «Папа, мама, я – дружная семья»: мужской, женский и детский халаты из пушистой микрофибры.

И именно такой халат, женский, вот уже три года висел на спинке кровати. А его – лежал в шкафу.

Алексей вытащил подарок жены, завернулся в него и на мгновение зажмурился, по-детски ожидая чуда. Потому что он впервые за три года собирался переночевать в своей квартире: принял ванну, надел халат, сейчас выйдет из спальни и на него налетит Ника, убегая от Катерины. Она ведь уже большая девочка, ей семь лет, не надо ее купать, она сама! Катерина, отстань, я стесняюсь!

Вот только сейчас дочери уже не семь, а десять. Какая она, интересно? Выросла, наверное, повзрослела. И, надеюсь, все так же похожа на отца.

Алексей взял лежавший на кровати мобильник и снова просмотрел сделанные фотографии. Нет, ему не показалось, вот оно, послание Ники. Скорее всего, дочь написала это три года назад, перед отъездом в Турцию. Они с Никуськой тогда частенько тайком от мамы обменивались «шпионскими» записками, подсмотрев в одном из фильмов такую фишку. Достаточно было просто написать мокрым пальцем на зеркале то, что хотелось, и надпись проявлялась при запотевании.

Вот только... Три года ведь прошло, неужели почеркушки пальцем могли сохраниться? И разве Катерина не убиралась здесь? Не протирала зеркало?

А вот сейчас позвоню и спрошу. Вряд ли домоправительница с мужем Василием сменили место жительства и номер телефона, надо только в записной книжке поискать. Только где она, эта книжка, куда ее та же Катерина засунула?

Алексей вышел в прихожую, намереваясь проверить стоявшую там тумбу, и в этот момент в дверь позвонили. Наверное, Виктор решил заскочить, проверить, как там босс. Или... Нет, ей сюда запрещено являться, это не обсуждается.

А стоявшее на пороге «или», судя по сияющей улыбке, явно и не собиралось ничего обсуждать. Вернее, не собиралась, Изабеллу Флоренскую никак нельзя было отнести к среднему роду, куда штабелировали особой невнятного пола. Нет, она была мегаженского пола – высокая, стройная, с прекрасными (причем натуральными!) формами, с роскошной гривой выющихся каштановых волос, с огромными карими глазищами, чувственный рот красивой формы, нежная, слегка смугловатая кожа, черные брови вразлет – в общем, сексапил зашкаливал.

И сейчас он зашкаливал особенно сильно, Изабелла явно готовилась к встрече, пустив в ход весь имеющийся в запасе арсенал. Можно было даже не звонить дежурившему внизу консьержу, гневно вопрошая – какого... он пропустил постороннюю, не согласовав визит с хозяином квартиры?! Мужик явно медитирует сейчас, таращась в пространство остекленевшим взглядом и затекая слюной.

И вообще – чего согласовывать, когда и так вся страна знает, что Алексей Майоров спит с Изабеллой Флоренской.

Вот, кстати, дурацкий термин – они спят вместе. Они, как правило, совсем другим занимаются. А потом уже спят.

Но сейчас Алексей даже видеть любовницу не хотел, а уж тем более – заниматься с ней чем-то другим. И это, похоже, отразилось на его лице довольно четко.

В умело подкрашенных глазах красотики мелькнула какая-то тень, но что именно прошестелело там перепончатыми крыльями, разобрать не удалось, потому что через мгновение вся поверхность зеркала души заплывла слезами.

Изабелла Флоренская была хорошей актрисой, очень хорошей, и умела управлять слезоотделением с точностью хорошо отлаженного механизма: ррраз – и краник открыт. Два – и на лице появилось искреннее недоумение, в меру приправленное душевной болью:

– Ты... Ты так меня ненавидишь, да?

– Не говори глупостей, – дернул щекой Алексей, не двинувшись с места. – Ты зачем пришла? Мы же договаривались...

– Да, я помню, милый, конечно, – зачастила девушка, трогательно тыльной стороной ладошки вытирая хрустальные слезки со щек. Хорошая, однако, косметика, водостойкая. – Но ты снова не берешь трубку, а мне не терпелось узнать, как прошли переговоры с Изотовым. Я позвонила тебе в офис, но Мария Павловна сказала, что ты поехал домой. Ну вот, – прерывистый вздох-всхлип, – я обрадовалась, бросилась готовить ужин, а тебя все нет и нет. Ну, я и поняла, что ты снова поехал сюда. Лекс, ох, прости – Алешенька, – она обвела взглядом босого, одетого в халат Майорова и попыталась улыбнуться, но губки послушно задрожали, – ты что же, решил переночевать в этой квартире? Ты ведь ни разу еще здесь не оставался на ночь, жил или у меня, или на даче.

– Да, я останусь здесь, – процедил Алексей. – А ты иди домой. Я устал.

– Но что Изотов?

– Кастинг закончен, но в случае форс-мажора возьмут тебя.

– Правда? А...

– Слушай, подробности потом. Приходи завтра в офис, мы все обсудим. А сейчас – домой.

– Послушай... – начала было Изабелла, но в этот момент в квартире напротив щелкнул замок, дверь распахнулась, и на площадку вышел сосед, собиравшийся, если судить по нетерпеливо подпрыгивавшему доберману, выгуливать своего Макса.

– Добрый вечер, Алексей Викторович, – кивнул он Майорову, с любопытством разглядывая заплаканную девушку. – Давненько вас не видел.

– Здравствуйте, Александр Олегович, – вежливо улыбнулся Алексей, а в следующую секунду и он, и сосед, и соседский доберман вздрогнули от неожиданности.

Причем доберман не только вздрогнул, он озадаченно присел и напрудил лужу. Но его хозяин безобразия пока не заметил, увлеченный разыгравшимся спектаклем.

А там-таки было на что посмотреть, скажу я вам!

Потому что, как уже упоминалось, Изабелла Флоренская была хорошей актрисой и импровизировать на съемочной площадке умела. При чем тут кино? В данном конкретном случае имеется в виду не съемки фильма, а съем Алексея Майорова.

Изабелла глухо застонала, пошатнулась и, красиво изогнувшись, упала на мраморный пол площадки. Именно тогда мужчины вздрогнули, а пес еще и описался. Переполнился, видимо, эмоциями и сочувствием.

Желтый ручеек сочувствия стремительно побежал к изящно откинутой руке Изабеллы, и Алексей, прекрасно знавший, что это не настоящий обморок, с любопытством ждал дальнейшего развития событий: что победит – брезгливость или желание добиться своей цели?

Какой цели? Попасть в квартиру, разумеется, причем предпочтительно сразу на кровать – в обмороке же.

Но увы, интрига была безжалостно разрушена неопытным в таких делах соседом. Вот если бы на площадке были только Алексей и доберман Макс, все закончилось бы забавно, но нет! Тут еще был рыцарь в сверкающих доспехах! И пусть доспехи больше походили на спортивный костюм «Адидас», но под трикотажной тканью билось большое и доброе сердце!

Правда, если судить по размерам мелких ладоней, из которых получался такой же несолидный кулачок, оно, сердце, было не таким уж большим.

Но, безусловно, добрым.

– Что же вы стоите! – укоризненно вскрикнул Александр Олегович, бросаясь к лежащей девушке. – Ей же плохо, надо врача, звоните в «Скорую»!

Рыцарь пресек ручей собачьего сопереживания, соорудив плотину из собственной кроссовки.левой. И Алексей понял, что мадемуазель Флоренская победила – деваться ему некуда. В присутствии постороннего он не сможет спокойно развернуться и уйти, оставив комедиантку отдыхать на полу сколько ей будет угодно.

Тяжело вздохнув, он смирился с неизбежным – придется впустить эту женщину в дом, где ей нет места. Но ничего, это ненадолго, буквально на полчаса, на время прогулки соседа с собакой. Пусть уж рыцарь, являвшийся, между прочим, коммерческим директором одного из крупнейших медиахолдингов, вернется домой и займется своей семьей, не отвлекаясь на помощь несчастным красоткам. Тогда можно будет лично отконвоировать даму до такси. Или до ее машины, если Изабелла прикатила на ней.

А сейчас – займемся «бедняжкой».

– Не волнуйтесь, Александр Олегович, – Майоров благодарно похлопал по плечу соседа, предлагая тому посторониться. – У нее проблемы с гемоглобином, его уровень часто падает, а Изабелла, как и большинство девушек, за здоровьем не очень следит и принимать препараты железа постоянно забывает. Я не напому – и все. А в результате – слабость, головокружение, обморок. Да к тому же расстроилась из-за сломанного ногтя, и вот – на тебе! Ничего, сейчас немного отдохнет, и все будет в порядке.

– А-а-а, тогда понятно, – покивал сосед. – У моей жены во время беременности тоже гемоглобин падал, я знаю, как это бывает.

Вот и славно, что знаешь. Значит, сплетен за спиной не добавится. Кстати, насчет спины – есть идея.

Алексей заботливо наклонился над девушкой, одной рукой нежно приподнял ее за плечи, другую подsunул под колени, затем резко разогнулся и...

Руки разжались, Изабелла глухо шлепнулась обратно на пол – терпи, подруга, ты в образе – а Алексей, вскрикнув, вцепился руками в поясницу:

– Господи, что это?! Какая дикая боль!

– Э, голубчик, – сочувственно улыбнулся сосед, – да вы, похоже, спину сорвали. Что, раньше никогда такого не было?

– Нет! Ох!

– Вас ждут незабываемые ощущения, поверьте. Купите диклофенак, он прекрасно обезболивает, а пока – позвольте-ка, – он оттер плечом согнувшегося Алексея и, кряхтя, поднял с пола девушку. – Куда нести?

– Там, в гостиной, на диван положите, – простонал Майоров. – Спасибо вам огромное, мне так неудобно!

– Да бросьте вы! – сосед аккуратно уложил свою ношу на указанное место и улыбнулся, вытирая пот со лба. – Когда еще удастся обнять известную актрису!

Очень хотелось сказать: «Заберите ее насовсем!», но увы, увы...

ГЛАВА 8

Отбивая чечетку бесконечной признательности, Алексей в темпе проводил «помощника» до двери, и только тут Александр Олегович обнаружил океан Макса:

– Ах ты, мерзавец, ты что наделал?

Узкая морда стыдливо отвернулась, уши уехали назад, глаза по-заячьи закосили – у лифта жалобно поскуливало само раскаяние.

– Макс, ты сегодня без ужина!

– Александр Олегович, что уж так строго, – улыбнулся Алексей, подмигнув псу. – Он ведь тоже мужчина, вот и описался от восторга.

– Думаю, для Изабеллы Флоренской такая реакция представителей мужского племени не новость, – сосед рассмеялся и нажал кнопку вызова лифта. – Ну, всего вам доброго. Зашли бы как-нибудь с вашей очаровательной спутницей на рюмку чая!

– Постараемся, – и последний книксен: – Еще раз спасибо и простите за беспокойство!

– Да бросьте!

С удовольствием, тем более что приполз долгожданный лифт. Фу-у-уф, уехали наконец!

Алексей мгновенно сдернул с лица отвратительно приторную улыбку вежливости и от души бабахнул дверью, представив, что там, в дверной щели, застрял осточертевший таракан по имени Изабелла Флоренская.

Вот интересно, ее на самом деле так зовут или это безвкусно-претенциозное сочетание все же псевдоним? Даже несмотря на полученное в свое время подтверждение подлинности имени, Алексей по-прежнему не мог поверить, что это так.

Когда вспыхнул скандал, разметавший его семью, и сам Алексей, и по его просьбе генерал Левандовский пытались собрать как можно больше информации о девушке, вольно или невольно ставшей причиной стольких бед.

А информации наскреблось – пол чайной ложки. Изабелла Флоренская действительно была именно Изабеллой Флоренской. Во всяком случае, именно это имя стояло в паспорте девушки. Видимо, регистратор детского дома города Захудалинска, где провела свое детство Изабелла, была очень романтичной особой и обожала наидраматичнейшие романы из серии «Пламя страсти». Или «Жар любви»? В общем, как-то так. И хорошо, что из маленького подкидыша выросла удивительная красавица, которой шло ее имя, а если бы получилась толстая прыщавая обладательница маленьких глазок, утиного носа, жабьего рта и пакли вместо волос? И ее звали при всем при этом Изабеллой Флоренской?

Достигнув совершеннолетия, юная мадемуазель Флоренская выпорхнула из облезлых стен так и не ставшего родным гнезда, чтобы никогда туда не возвращаться. Где ее носило следующие пять лет, узнать не удалось. Но одно можно было сказать точно – ничего противозаконного она не совершала и внимание правоохранительных органов не привлекла ни разу.

А через пять лет Изабелла появилась в Москве, опираясь на чью-то мощную финансовую поддержку. Чью – так никто и не узнал, потому что с тех пор, как девушка грациозно перепорхнула на плечи Алексея Майорова, предыдущий благодетель своих прав на красавицу не предьявлял и с разборками не являлся.

Левандовский на всякий случай решил поднять архив Захудалинского детского дома, чтобы раздобыть детские фотографии Изабеллы и окончательно удостовериться в ее личности, но ничего не вышло. Вернее, не пришло ни единого снимка. Потому что буквально за полгода до этого старое здание детдома сгорело от короткого замыкания. Так, во всяком случае, объяснили случившееся пожарные.

К счастью, никто из детей не пострадал, всех удалось вывести, но здание вместе с архивом выгорело полностью.

Вот, собственно, и все, больше сведений об Изабелле Флоренской собрать не удалось. Да и, если честно, никто особо не напрягался, поскольку были заняты более важным делом – поисками пропавших Анны и Ники.

И не нашли. Пока не нашли.

Алексей вернулся в гостиную, намереваясь выпроводить симулянтку в прихожую, пусть сидит там на пуфике и ждет возвращения сердобольного соседа с прогулки!

Но на диване никого не было, а вот с кухни доносился звон посуды и негромкое пение. Эти уютные домашние звуки окончательно взбесили Майорова, но устраивать разборки в милом пушистом халате, надетом на голое тело, было бы довольно глупо.

Шипя сквозь зубы не предназначенные для ушей благовоспитанной барышни речевые конструкции, Алексей выдернул из шкафа джинсы и джемпер, в темпе переоделся, несколько раз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться и не сорваться в банальную истерику, и только потом направился в сторону кухни.

Где, как оказалось, мадемуазель Флоренская времени зря не теряла. Она очень быстро сориентировалась, где что лежит, сунула свой очаровательный носик в набитый Виктором холодильник, и теперь на кухонном столе был накрыт легкий ужин на двоих: переложенные в изящные вазочки магазинные салатки, несколько бутербродов со шпротами и лимончиком, сыр, масло, тонко нарезанный батон.

А в середине стола красовалась бутылка белого вина, купленного Виктором «для улучшения пищеварения». И – два бокала. Их с Анной бокала! И посуда была их, семейная! И столовые приборы!

Так, ты опять заплясал на грани срыва! Прекрати! Ты мужик или «Пупсик» в конце-то концов?! И, между прочим, ты сам когда-то увлекся этой девушкой, да и сейчас, будь честен перед собой, в постели с ней просто улетаешь. А все твои рефлексии по поводу «осквернения» дома-музея семьи Майоровых – судоороги больной совести.

Блин, прямо «Маша и медведи»! Кто сидел на моем стуле! Кто ел из моей миски! Кто посмел взять мои бокалы! Придурок великовозрастный.

Соберись наконец и прекрати этот фарс. И не надо придумывать отговорки типа «она меня приворожила», тут Виктор прав. Нет никакого приворота, и помощь старого ведуна Тихона здесь не нужна. А вот сила воли – нужна. И больше ничего.

Алексей прислонился плечом к дверному косяку и устало проговорил:

– Изабелла, напрасно ты сюда пришла. И затея с обмороком была глупой, я ни секунды тебе не верил.

– А вот сосед твой поверил, – улыбнулась девушка, с кошачьей грацией направляясь к Майорову.

Она, похоже, была готова к скандалу и разборкам, и то, что Алексей заговорил тихо и относительно спокойно, истолковала в свою пользу – удалось! Снова удалось!

Приблизившись к мужчине вплотную, Изабелла легонько царапнула открытую вырезом джемпера часть груди и, чувственно раздувая тонкие ноздри, хрипло прошептала:

– Ну зачем ты сопротивляешься, дурачок? Мы же не можем друг без друга, неужели ты еще не понял этого? Тебе плохо без меня, а я болею без тебя, мы – две половинки одного целого...

Последнее слово девушка буквально выдохнула Алексею в губы, ожидая, что он не выдержит и, как это было всегда, страстно вопьется в ее рот.

Но мужчина совершенно спокойно отвернулся и, довольно ошутимо подхватив растерявшуюся соблазнительницу под локоть, усадил ее за стол.

Сам сел напротив и, глядя в сторону, негромко сказал:

– Изабелла, между нами все кончено.

– Но ты уже пробовал отказаться от меня, – усмехнулась девушка. – И все равно вернулся. Может, хватит мучить друг друга? Я ведь тебя так люблю! Я хочу родить от тебя ребеночка, девочку, и чтобы была похожа на папу...

– Нет, – видно было, каких трудов Алексею стоило удержать себя от крика, желваки метались по скулам, словно обезумевшие кролики. – У меня есть дочь, похожая на меня, и другой мне не надо. Мы, по-моему, обсуждали это не раз – я женат и разводиться не собираюсь. Поэтому и хочу отпустить тебя, понимаешь?

– Нет!

– Изабелла, ты умная, красивая девушка, талантливая актриса, я согласен быть твоим продюсером и дальше, но в плане личных отношений между нами все кончено. Я все понимаю – тебе хочется семью, детей, стабильности, но ничего этого я тебе дать не могу. И не смогу никогда. Прости.

Изабелла какое-то время смотрела на сидевшего напротив мужчину полными слез глазами, потом выпрямилась, встряхнула волосами и нарочито весело произнесла:

– Ну и ладно! Может, так и правда лучше будет! Поболит и забудется, верно? Можешь не отвечать. И не смотри на меня так жалостливо, мне жалость не нужна, мне нужна любовь! А раз ее нет – что ж, выпрашивать больше не буду.

– Изабелла...

– Да ладно, Лекс, проехали! – девушка вскочила, подбежала к кухонному шкафчику и зашарила там, гремя вилками и ложками. – Где тут у тебя штопор?

– Зачем тебе штопор?

– То есть как это зачем? На столе стоит бутылка вкусного вина, закуска тоже имеется – давай устроим прощальный ужин! А потом ты меня проводишь до машины. Кстати, что насчет машины и квартиры? Мне их вернуть?

– Изабелла, не ерничай, – поморщился Алексей.

– Прости, это я так, из вредности. О, нашла, – она вытащила штопор и неумело попыталась открыть бутылку.

– Дай сюда, – Майоров отобрал штопор, ввинтил его в пробку и склонился над полом, собираясь откупорить вино.

И в этот момент Изабелла схватила спрятанный под салфеткой пузырек с прозрачной жидкостью и капнула в один из бокалов несколько капель.

Но когда Алексей разогнулся, держа в руках открытую бутылку, никакого пузырька на столе не было, там по-прежнему стояли два пустых бокала.

В которые он и налил вино.

– Больше наливай, мне до самого краешка! – девушка взяла один из бокалов и протянула его за добавкой.

– Надеешься напиться? – добродушно усмехнулся Алексей, довольный, что все разрешилось на удивление мирно и спокойно.

– Да ну, разве натуральным вином напьешься! – фыркнула Изабелла. – Это же не водка и не коньяк.

– Ну что же, – Майоров налил девушке, как она и просила, до краешка, поставил бутылку и поднял второй бокал, полный лишь наполовину, – давай выпьем за тебя. Я искренне желаю, чтобы у тебя все сложилось самым наилучшим образом!

– Раз ты пожелал – сложится! – как-то странно улыбнулась Изабелла и залпом выпила свое вино, словно упомянутую ею водку.

Алексей же вино пил медленно, смакуя. Вкус любимого вина показался ему не совсем обычным, но все равно приятным.

Потом они мирно поужинали, допив бутылку до конца, потом Алексей собрался проводить гостью до такси (потому что за руль ей садиться после вина не стоило), а потом вдруг навалился мрак. Свет в доме отключили, что ли?

Изабелла наклонилась над упавшим на пол мужчиной и потрясла его за плечо. Спит. Глубокий сон, обморочный, именно то, что надо.

Она вытащила из сумки мел, черные свечи, остро заточенный нож, затем начертила на полу прихожей пентаграмму, перетащила в ее центр Алексея, срезала у него прядь волос, оцарапала грудь под левым соском, выпустив на волю несколько капель крови, и ведьмовство началось...

ГЛАВА 9

Господи, как голова-то болит! С чего бы это, он ведь не пил вчера ничего крепкого. Или пил? Ничего не помню. И вообще, где он? Почему так жестко, словно на полу спал, а не в кровати с ортопедическим матрасом?

Опаньки, а ведь действительно на полу. Буквально метра не дошел до кровати, свалился прямо посреди спальни. Но под головой – подушка, тело заботливо прикрыто пледом.

Изабелла, девочка моя родная, какая же ты у меня славная! И чего я, болван, время-то тяну? Давно пора было отношения с любимой зарегистрировать, надо только официально оформить бумаги о смерти жены и дочери, юридически стать вдовцом и можно подавать заявление в загс.

Ну и что с того, что тела не найдены? Их нет уже три года, для пропавших без вести вполне достаточный срок, чтобы признать их умершими.

В груди что-то болезненно заныло, что-то словно рвалось наружу, пыталось достучаться. Алексей приподнял джемпер и увидел замазанную зеленкой царапину. Похоже, дискомфорт доставляла именно она. Интересно, и где это он умудрился, грудь брил, что ли? Так вроде не надо, шерстяной покров на теле был минимальным.

Ладно, это неважно. Сейчас главное – увидеть поскорее Изабеллу! Как хорошо, что она сумела преодолеть его упрямство и вошла в эту квартиру! Виктор прав – нельзя превращать дом в музей. Да, он очень любил и Анну, и Нику, но что же теперь поделаешь – их больше нет. И надо жить дальше. Он еще успеет стать отцом, его любимая родит новую дочку, а может, еще и сына, маленького Майорова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.